

Дари Алекс

*Ты
начало*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дари Алекс Ты начало - я тень

<https://litres.ru/74632507>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она была его светом, даже не зная об этом. Он — тенью, что всегда следовала за ней, молчаливой, опасной и бесконечно преданной.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	44
Глава 6	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Дари Алекс

Ты начало - я тень

Глава 1

Огромные окна главного здания пропускали багровый свет, который тяжелыми полосами ложился на полированный мрамор пола. В этом частичном полумраке Мальбонте казался еще более массивным и мрачным, чем обычно; его фигура сливалась с глубокими тенями, которые, казалось, жили собственной жизнью, послушно следуя за каждым его движением. Он стоял у края террасы, всматриваясь в бесконечный горизонт Ада, где бушевали огненные шторма и слышались отголоски вечных мук.

Виктория подошла к нему сзади, неслышно ступая босыми ногами по холодному камню. Она ощущала его напряжение даже на расстоянии — оно вибрировало в самом воздухе, густое и терпкое, как запах старой крови и жженого металла. Ее тонкие пальцы коснулись его лопаток, едва заметно сжимая ткань черного одеяния. Она знала, что сейчас он погружен в свои мысли, в те темные лабиринты, куда даже она боялась заглядывать слишком глубоко.

— Ты снова думаешь обо всем, — тихо произнесла она, и ее голос прозвучал неожиданно звонко в этой гнетущей

тишине.

Мальбонте медленно обернулся. В его глазах вспыхнул знакомый холодный огонь, но стоило ему увидеть ее спокойное, полное нежности лицо, как черты смягчились. Он перехватил ее руку, прижимая ладонь к своей щеке и закрывая глаза. Только рядом с ней он мог позволить себе эту минутную слабость — сбросить маску жестокого правителя и просто быть собой.

— Здесь слишком шумно сегодня, — пробормотал он, глубоко вдыхая ее запах, который всегда действовал на него успокаивающе. — Ты единственное, что заглушает этот бесконечный крик.

Виктория улыбнулась и прижалась лбом к его плечу. Она чувствовала, как его тело постепенно расслабляется под ее пальцами, как уходит лишняя агрессия, которая обычно сопровождала его возвращение из тронного зала. В этом огромном замке среди пепла и серы они были двумя единственными существами, способными дарить друг другу истинный покой.

— Папа! Мама!

Гулкое эхо детских голосов разорвало интимную тишину террасы. Мальбонте вздрогнул и мгновенно отстранился, возвращая себе привычную сдержанность, но в его взгляде, когда он обернулся, уже не было мрака.

Ариэла и Каин, смеясь, бежали к ним по мраморному коридору, перепрыгивая через ступени и толкая друг друга.

Маленькие босые ноги забавно шлепали по холодному камню, а полы их легких одежд развевались, словно крылья. В их смехе не было и следа той тяжести, что давила на плечи родителей; дети несли с собой живой, неугасаемый свет, который расцветал в самом сердце этого проклятого места.

— Смотрите, что мы нашли! — воскликнула Ариэла, задышавшись от восторга. Она сжимала в руках странный блестящий камень, который переливался всеми цветами радуги, совершенно чужеродный для этого серого мира.

Каин, сбивая ее с ног, попытался выхватить находку. Мальбонте сделал широкий шаг вперед и одним легким движением подхватил сына за шиворот, оттаскивая его от сестры. На его губах появилась редкая, едва заметная улыбка.

— Хватит шуметь, — проворчал он, но в его голосе слышалась бесконечная теплота. — Вы скоро разнесете половину замка своими играми.

Виктория рассмеялась, глядя на эту картину, и почувствовала, как остатки тревоги окончательно покидают ее. Она присела на корточки перед дочерью, принимая сверкающий камень в свои ладони. Дети облепили ее со всех сторон, заваливая вопросами и жалобами друг на друга, и теперь вся терраса была наполнена их звонким многоголосием.

Мальбонте встал за спиной жены, положив тяжелые ладони ей на плечи. Он больше не смотрел вдаль на огненные шторма; всё его внимание было сосредоточено здесь, на этих маленьких существах и женщине, которая была центром его

вселенной. В этот момент тень отступила, оставляя место только для семьи.

Тишину семейного момента нарушил резкий звук приближающихся шагов. Из глубины коридора появился заместитель, его лицо выражало крайнюю степень смущения и легкую тревогу. Он остановился в нескольких метрах от них, склонив голову в почтительном, но поспешном поклоне.

— Мой господин, прошу простить за беспокойство, — начал он, стараясь не смотреть детям в глаза. — Но у главного входа появились гости. Они настаивают на встрече.

Мальбонте нахмурился, и тени вокруг него снова сгустились, откликаясь на смену настроения хозяина. Он не любил незапланированных визитов, особенно когда они прерывали его редкие минуты покоя с семьей.

— Кто это? — коротко бросил он, и в голосе снова зазвучали властные, холодные нотки.

— Люцифер и Мими, господин. Они говорят, что прибыли с дружественным визитом.

Лицо Виктории мгновенно просветлело. Она с радостным возгласом вскочила на ноги, едва не выронив радужный камень, который тут же переключался в карман ее платья.

— Мими! — воскликнула она, сияя от восторга. — Неужели они действительно здесь?

Мальбонте тяжело вздохнул, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на понимание. Он знал, как много значит для жены эта дружба, и насколько сильно она скучала по подруге.

— Пойду встречу этого прохвоста, — проворчал он, хотя в глубине души и сам был рад видеть старого друга. — Ариэла, Каин, ведите себя прилично. Это не время для ваших игр с камнями.

Дети согласно закивали, хотя в их глазах уже разгоралось любопытство. Виктория поспешно поправила платье и, взяв мужа за руку, пошла вслед за ним по длинному мраморному коридору, предвкушая встречу с той, кого не видела слишком долго.

Мальбонте шел вперед, уверенно и властно, а Виктория едва поспевала за ним, стараясь удержать его руку в своей. По коридорам замка разносилось эхо их шагов, смешиваясь с далеким шумом Ада, который теперь казался менее угрожающим. Впереди, в конце галереи, виднелись массивные створки главных ворот, за которыми уже ждали их гости.

Когда двери распахнулись, Люцифер, облокотившись на колонну, с привычной насмешкой обвел их взглядом. Рядом с ним Мими, вся в легком шелке, буквально засияла, увидев Викторию. Она тут же оттолкнулась от стены и стремительно направилась навстречу подруге, раскинув руки для объятий.

— Виктория! — воскликнула она, едва сдерживая смех. — Ты выглядишь так, будто действительно умудрилась превратить это мрачное место в уютный дом.

Виктория с радостным всхлипом бросилась к ней, и две женщины утонули в крепких объятиях. Мальбонте остановился в стороне, скрестив руки на груди и скептически на-

блюдая за этой сценой. Его взгляд встретился со взглядом Люцифера — безмолвный диалог двух сильных личностей, в котором не было места лишним словам.

— Всё так же хмуришься, старый друг, — протянул Люцифер, медленно поднимаясь на ноги. — Неужели семейная жизнь лишила тебя чувства юмора?

— Или ты просто не умеешь вовремя замолчать, — отозвался Мальбонте, но в его голосе больше не было враждебности. Он сделал приглашающий жест рукой, указывая гостям дорогу дальше вглубь замка. — Пойдемте. Виктория хотела показать вам детей.

Мими, всё еще держа Викторию под руку, восторженно зашебетала о том, как долгое время они не виделись и сколько новостей накопилось. Виктория смеялась вместе с ней, чувствуя, как напряжение последних дней окончательно покидает ее тело. Она бросила короткий взгляд на мужа и увидела, что он едва заметно улыбается, глядя на нее с той тихой любовью, которую открывал только ей одной.

Они зашли в просторный зал, где дети, завидев гостей, с радостными возгласами бросились навстречу. Ариэла и Каин, забыв о всех запретах, вцепились в Мими, которая с восторженным писком подхватила их обоих на руки, едва удерживая равновесие. Люцифер с легкой усмешкой наблюдал за этой сценой, засунув руки в карманы и с интересом разглядывая наследников Мальбонте.

— Боги, как они выросли! — воскликнула Мими, прижи-

мая детей к себе и смеясь в их раскрасневшиеся лица. — Просто копия своих родителей, только куда более очаровательны.

Люцифер, не дожидаясь приглашения, извлек из-за пазухи несколько ярко упакованных коробок, перевязанных золотистыми лентами. — Ну-ка, отпустите ее, разбойники. Посмотрите, что мы привезли из верхнего мира.

Дети с жадным любопытством начали разрывать оберточную бумагу, обнаруживая внутри удивительные игрушки: резные деревянные солдатики с живыми глазами и маленькую механическую птицу, которая тут же начала петь чистым, мелодичным голосом. Зал наполнился детским смехом и восторженными возгласами — звуками, которые редко посещали эти мрачные стены.

Виктория, облокотившись на плечо мужа, с теплотой наблюдала за происходящим. Мальбонте молчал, но его взгляд стал мягким; он позволил детям окружить себя, не пытаясь вернуть их к дисциплине. В этот момент даже суровый правитель Ада казался обычным отцом, который был бесконечно горд своими детьми и женщиной рядом с ним.

Мими тем временем устроилась на широком диване вместе с детьми, засыпая их рассказами о далеких странах и чудесах, которые невозможно было представить в их извечном сумраке. Люцифер подошел к Мальбонте и Виктории, протягивая им бутылку редкого вина.

— За встречу и за то, чтобы в этом месте стало чуть боль-

ше света, — произнес он с искренней улыбкой.

Виктория приняла бокал и легко коснулась губами края, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло. Она взглянула на мужа и увидела в его глазах отражение этого тепла — мгновение абсолютного покоя среди бесконечной тьмы.

Когда дети, наконец, утомились от игр и бесконечных рассказов Мими, Виктория мягко увела их в спальни. Проводив их до дверей и убедившись, что оба ребенка крепко спят, она вернулась в гостиную, где Люцифер и Мальбонте вели неспешную беседу, изредка прерываемую смехом Мими.

— Они растут слишком быстро, — заметила Виктория, устраиваясь в кресле рядом с подругой и принимая из ее рук бокал вина. — Кажется, только вчера Каин пытался съесть свой первый деревянный кубик.

Мими сочувственно улыбнулась, обнимая подругу за плечи. — Это самое прекрасное и самое пугающее время. Ты даже не представляешь, как мне не хватало твоих историй о том, как они растут в себе маленьких разбойников.

Разговор перетек в более личное русло. Обсуждая быт и мелкие неурядицы жизни в замке, женщины постепенно забыли о времени и о том, что за окнами всё так же бушуют огненные шторма. Мальбонте, обычно не терпящий лишнего шума, сегодня был необычайно снисходителен; он молча слушал их перепалки, изредка вставляя короткие, но точные комментарии.

Позже, когда вино закончилось, а вечер начал клониться к завершению, Люцифер с неохотой поднялся с дивана.

— Придется нам закругляться. Завтра у меня столько дел в верхнем мире, что даже мысль о них заставляет меня похмелиться заранее, — он иронично подмигнул Виктории и кивнул Мальбонте.

Виктория вместе с мужем проводила гостей до ворот. Прощаясь с Мими, она крепко прижала подругу к себе, чувствуя искреннюю грусть от предстоящего расставания. Люцифер же ограничился легким поклоном и коротким рукопожатием с Мальбонте, после чего друзья скрылись в ночной мгле Ада.

Оставшись одни, супруги медленно пошли обратно в жилые покои. Тишина замка снова сомкнулась вокруг них, но теперь она была иной — больше не гнетущей, а уютной и сонной. Виктория чувствовала приятную тяжесть в теле и теплого спокойствия в душе.

— Спасибо тебе за это, — тихо сказала она Мальбонте, когда они вошли в свою спальню.

Он ничего не ответил, но его рука тяжело и властно легла ей на талию, притягивая ближе к себе. В полумраке комнаты его глаза блеснули темным, нетерпеливым огнем. Виктория почувствовала его горячее дыхание на своей щеке и закрыла глаза, отдаваясь этому моменту абсолютной близости.

Мальбонте резко развернул её к себе, с силой вжимая в стену. Его пальцы впились в её бедра, задирая ткань платья

сверху, а в глазах вспыхнул властный, почти хищный блеск, который он никогда не демонстрировал при других.

— На колени, — коротко и жестко приказал он, даже не глядя на неё.

Виктория послушно опустилась вниз, чувствуя, как холодный мрамор обжигает кожу, а его тяжелый взгляд пригвоздил её к месту. Она потянулась к нему, расстегивая пуговицы его одеяния дрожащими пальцами, пока он стоял над ней, высокая и непоколебимая тень, контролирующая каждое её движение. Когда она взяла его в рот, Мальбонте глухо застонал, запустив пальцы в её волосы и сжимая их с силой, граничащей с грубостью.

Его движения стали резкими, лишенными привычной сдержанности; он не просил, он забирал то, что принадлежало ему по праву. Виктория задохнулась от напора, но не отстранилась, принимая его жадность как высшее признание её значимости для него.

Когда он рывком поднял её на ноги и швырнул на кровать, простыни зашуршали под их общим весом. Мальбонте навис сверху, придавливая её своим массивным телом, и впился в её губы требовательным, почти болезненным поцелуем. Он не церемонился: одежда была сброшена на пол одним резким движением, оставляя их обнаженными в холодном полумраке спальни.

Он вошел в неё одним мощным толчком, заставив Викторию выгнуться дугой и вцепиться ногтями в его плечи.

Мальбонте двигался ритмично и тяжело, без тени мягкости или сомнений; каждый его толчок был отмечен печатью собственничества. Он не спрашивал её согласия — он знал, что она принадлежит ему полностью, до последнего вздоха.

Виктория всхлипнула, когда он перехватил её запястья и прижал их над головой к подушке. Его лицо было непроницаемым, но в каждом резком движении, в каждом глухом выдохе сквозь стиснутые зубы читалась неистовая страсть, которую он позволял себе проявлять только здесь, за закрытыми дверями их комнаты. В этом грубом акте была его истинная любовь — бескомпромиссная и ошеломляющая.

Глава 2

Холодный камень пола обжигал ступни, но Виктория не обращала на это внимания. Она медленно поднялась по ступеням к массивному трону, который в утреннем полумраке казался огромным и чужим. Усевшись в глубокое кожаное кресло, она обхватила себя руками, чувствуя, как по спине пробежал озноб от сквозняка, гулявшего по пустому залу. Здесь, в тишине, которая обычно принадлежала только Мальбонте, ее мысли стали особенно четкими и тяжелыми.

Она смотрела на тяжелые занавеси, которые едва пропускали первые лучи солнца, и думала о том, как странно переплелись их жизни. Быть тенью великого правителя означало не только разделять с ним постель и дом, но и нести на своих плечах часть того груза, который он отказывался сбрасывать. Ее любовь была его единственным якорем в мире, где предательство считалось нормой, а жестокость — инструментом власти.

Когда двери тронного зала распахнулись и появились первые горожане, Виктория выпрямила спину. Ее лицо приняло привычное выражение спокойного достоинства, хотя внутри все еще дрожало от утренней меланхолии. Она не была королевой по праву рождения, но статус жены Ада давал ей право голоса — или, по крайней мере, право быть услышанной теми, кто пришел просить милости или справедливости.

Первым к подножию трона подошел пожилой мужчина с опущенной головой; в руках он сжимал потертый свиток. Виктория слегка кивнула ему, призывая начать. В этот момент она почувствовала всю тяжесть ответственности: каждое ее слово теперь могло изменить чью-то судьбу так же легко, как Мальбонте одним жестом решал вопросы жизни и смерти.

Слушая жалобы на недород и споры между соседями из нижнего города, она ловко лавировала между строгостью и милосердием. Ей приходилось быть твердой там, где горожане пытались обмануть или выпросить больше положенного, и мягкой там, где нужда была истинной. Она знала, что муж оценит ее способность держать дела в порядке до его пробуждения, но в то же время эта роль заставляла ее чувствовать себя чужой в собственном доме.

Время тянулось медленно. Виктория прислушивалась к шуму собственного сердца, которое билось ровно и спокойно, несмотря на нарастающее напряжение в зале. Она знала, что скоро Мальбонте проснется и придет сюда — и тогда весь этот искусственный порядок рухнет, уступив место его воле. До этого момента она была единственным законом в этом зале, единственной силой, способной смягчить гнев или дать надежду тем, кто был безнадежен.

Двери распахнулись с тяжелым стуком, и по залу прокатился шепот. Мальбонте шел медленно, его темный плащ развевался, словно живая тень, поглощающая свет утреннего

солнца. Горожане мгновенно замолкли, склоняясь в глубоком поклоне, а Виктория почувствовала, как знакомое тепло разливается по телу от одного его присутствия. Мрачное выражение его лица смягчилось, когда он заметил жену, и в глубине темных глаз мелькнула искра нежности, доступная только ей одной.

Он поднялся на помост, игнорируя всех вокруг, и остановился прямо перед ней. Мальбонте на мгновение положил руку ей на плечо, и Виктория ощутила его силу — спокойную, но неодолимую. Затем он наклонился и запечатлел на ее губах долгий, собственнический поцелуй, который заставил ее сердце забиться быстрее. Голоса в зале окончательно стихли; теперь все ждали только его решения.

— Ты справилась с ними? — тихо спросил он ей на ухо, отстраняясь с легкой улыбкой.

Виктория кивнула, чувствуя себя защищенной в его руках. Мальбонте уселся в трон и, не раздумывая, притянул ее к себе, усаживая на свои колени. Она привычно устроилась в его объятиях, положив голову ему на плечо. Теперь они сидели вместе — властная тень и ее свет, готовые принимать людей и решать их земные проблемы.

— Продолжайте, — сухо бросил Мальбонте в сторону замерших горожан. Его голос звучал грубо и властно для всех остальных, но рука, обнимавшая Викторию за талию, сжимала ее осторожно и бережно.

Она слышала ритм его сердца под пальцами и знала: пока

он рядом, никакой хаос не сможет разрушить их мир. Вместе они рассматривали прошения, спорили о налогах и распределении ресурсов, где Виктория сглаживала его резкость своим спокойным голосом, а он — создавал фундамент из железа и воли. Она была единственным существом в этом дворце, кто мог позволить себе перебить его рассуждения или поправить его решение одним коротким взглядом.

Стук маленьких босых ног эхом разнесся по каменному полу тронного зала, заставив Мальбонте мгновенно сосредоточиться. Ариэла и Каин, в своих мятых ночных сорочках и с растрепанными волосами, вбежали к родителям, смеясь и перебивая друг друга. Горожане поспешно расступились, освобождая путь детям, которые, не обращая внимания на серьезность момента, с разбегу бросились к Виктории.

— Мама! — хором воскликнули они, хватаясь за ее платье и требуя внимания.

Виктория с мягкой улыбкой обняла их, чувствуя знакомый запах сна и тепла. Она взглянула на мужа; его суровое лицо окончательно разгладилось, а в глазах появилось выражение бесконечной любви. Мальбонте даже не попытался прогнать их или потребовать соблюдения этикета — в присутствии детей его мрачность бесследно исчезала, оставляя лишь заботливого отца.

— Пойдемте, мои хорошие, — тихо произнесла Виктория, аккуратно поднимая детей на ноги. — Пора умыться и одеться.

Она осторожно увела их из тронного зала, оставив Мальбонте завершать дела с горожанами. В ванной комнате воцарилась привычная суэта: плеск воды, детский смех и легкие споры о том, кто первый будет чистить зубы. Виктория терпеливо умывала каждого ребенка, расчесывала их спутанные волосы и помогала застегивать пуговицы на свежей, чистой одежде, стараясь сделать их вид безупречным.

Когда дети были одеты и причесаны, она взяла их за руки и повела по широким коридорам дворца в сторону кухни. По пути они весело переговаривались о планах на день, а Виктория слушала их с той нежностью, которую могла позволить себе только здесь, вдали от глаз подданных и политических интриг.

На кухне ее ждал завтрак. Виктория ловко разложила по тарелкам горячие каши с ягодами и налила детям молока в высокие стаканы. Она присела рядом с ними, наблюдая за тем, как жадно они едят, и в этот момент чувствовала, что именно это — ее истинная власть и самая важная миссия в этом холодном замке.

Дверь кухни с шумом распахнулась, и в комнату вошел Мальбонте. Он выглядел уставшим — за короткое время разбор жалоб и споров выпил из него все силы, но, увидев жену и детей, он заметно расслабился. Подойдя к столу, он потрепал сына по волосам и притянул Ариэлу к себе, чтобы быстро поцеловать в макушку.

— Опять ссоритесь из-за этого яблока? — негромко про-

изнес он, присаживаясь рядом с Викторией.

— Нет, папа! — в унисон воскликнули дети, одновременно застыв с ложками в руках.

Мальбонте бросил на жену ироничный взгляд, в котором читалась немая просьба о помощи. Виктория с легким смехом поправила воротник его рубашки и пододвинула к нему тарелку с завтраком. Она знала, что даже за столом он остается настороженным, привыкшим ждать удара в спину, но здесь, в кругу семьи, его плечи постепенно опускались.

— Перестаньте мучить отца, — строго, но с любовью заметила она, обнимая детей за плечи. — Покушайте спокойно. Сегодня у нас много дел, а папе нужно восстановить силы.

Мальбонте взял ее за руку под столом, переплетая свои пальцы с ее. Его ладонь была прохладной и жесткой, но хватка — уверенной. В этот простой жест он вложил всё то, что не мог сказать словами: признательность за тепло, которое она приносила в его жизнь, и негласную просьбу никогда не оставлять его одного в этой темноте.

Когда завтрак был закончен, Виктория отвела детей в детскую и передала их на попечение няне. Она долго целовала их на прощание, стараясь запомнить каждую черточку их сонных лиц, прежде чем закрыть дверь и вернуться в реальность, где ее ждали обязанности жены правителя.

В гардеробной она замерла перед зеркалом, выбирая платье. Сегодняшний визит в Рай не допускал никакой небреж-

ности — собрание Высших сил требовало безупречности, которая должна была ослеплять и подавлять. Она выбрала платье из тяжелого шелка глубокого изумрудного цвета, которое облегалo фигуру, подчеркивая каждый изгиб, и дополняла его длинным шлейфом, шуршащим по полу при каждом шаге.

Она тщательно расчесала волосы, позволяя им мягкими волнами падать на спину, и нанесла несколько капель любимых духов с нотками жасмина и сандала. Тонкий слой пудры, аккуратно подчеркнутые глаза и глубокий красный цвет губ — теперь она выглядела именно так, как полагалось женщине, идущей рядом с самым могущественным мужчиной в мире.

Мальбонте ждал ее внизу. Когда она спустилась по широкой лестнице, его взгляд заставил ее сердце забиться чаще. Он оценивающе осмотрел ее с ног до головы, и в его темных глазах вспыхнуло откровенное восхищение, смешанное с собственническим огнем.

— Ты выглядишь так, что даже ангелы позабудут о своем совершенстве, — тихо произнес он, подходя ближе.

Его рука легла на ее талию, притягивая к себе. Виктория почувствовала знакомый аромат его кожи и металла — запах власти и опасности. Она улыбнулась ему, чуть склонив голову набок.

— Это всего лишь одежда, — ответила она, коснувшись пальцами его щеки.

— Нет, это ты делаешь одежду красивой, — он перехватил ее руку и запечатлел короткий, но властный поцелуй на ладони. — Идем. Нас ждут.

Портал в Рай распахнулся перед ними с оглушительным звоном, обдавая прохладой и запахом весенних цветов. Виктория невольно зажмурилась от избытка света, который здесь, в обители Шепфа, никогда не угасал. Мальбонте сжал ее руку крепче, и она почувствовала, как его тело напряглось; он не любил это место, его святость и стерильность всегда вызывали у него глухое раздражение.

Они шли по белоснежной мостовой к величественному дворцу, где уже собрались остальные представители небесных островов. Лица встречных были омрачены; привычное спокойствие Рая сменилось тревожным шепотом и переглядываниями. Когда супруги вошли в главный зал, разговоры стихли. В центре, на возвышении, стоял Шепфа — его облик был величественным, но в глазах читалась несвойственная ему усталость и тревога.

— Вы прибыли, — голос Шепфа эхом разнесся под высокими сводами, заставляя всех присутствующих выпрямиться. — Благодарю за оперативность. Дело не терпит отлагательств.

Мальбонте холодно скрестил руки на груди, бросив короткий взгляд на собравшихся правителей. — Мы слушаем. Что за «проблемы мирового уровня» заставили вас собрать нас всех здесь, в одно время?

Шепфа тяжело вздохнул и обвел взглядом зал.— Мы столкнулись с тем, что долгое время считали невозможным. В городах нижнего мира растет недовольство. Не просто разрозненные бунты или споры о налогах — по всей системе распространяется идейное противостояние. Нас обвиняют в тирании, в том, что мы забыли о тех, кто поддерживает жизнь наших островов.

— Недовольные всегда найдутся, — процедил Мальбонте, и в его голосе прозвучал металл. — Вопрос лишь в том, насколько они организованы.

— Они организованы достаточно, чтобы начать войну, — жестко ответил Шепфа. — Горожане с нескольких островов объединились. Они больше не просят милости — они требуют равных прав и пересмотра всего нашего порядка. Это уже не просто беспорядки; это полноценный мятеж, который грозит охватить весь Рай и соседние миры. Если мы не найдем способ подавить или интегрировать их сейчас, мы потеряем всё.

— Мы должны отправиться туда сами, — произнесла Виктория, отделившись от мужа и сделав шаг вперед. Ее голос, несмотря на мягкость, звучал отчетливо в воцарившейся тишине. — Если мы просто отправим карательные отряды, это только усилит ненависть. Нам нужно выслушать их, найти способ договориться, пока всё не превратилось в пепелище.

Мальбонте резко развернулся к ней, и в его взгляде

вспыхнуло холодное пламя. Лицо окаменело, а губы сжались в жесткую линию. — Договориться? — переспросил он с явным недоверием. — С теми, кто поднял руку против порядка? Ты слишком добра, Виктория. Мир таких людей — не слова, а сила.

— Сила может остановить бунт, но не закончит его, — возразила она, глядя ему прямо в глаза. — Если мы пойдем туда с намерением уничтожить, мы уничтожим и то, что пытаемся сохранить. Позволь мне поехать. Я смогу найти с ними общий язык, я смогу понять, чего они хотят на самом деле.

Мальбонте смерил её долгим, тяжелым взглядом, словно взвешивая каждое её слово на весах. В зале повисла гнетущая пауза; другие правители затаили дыхание, ожидая его реакции. Наконец он сделал шаг к жене и обхватил ее лицо ладонями, заставляя смотреть только на него.

— Нет, — отрезал он, и его голос стал ещё более хмурым. — Я не допущу этого. Ты останешься здесь, в безопасности. В бой отправляются солдаты, а не те, кто заслуживает защиты. Я не позволю тебе рисковать собой из-за кучки фанатиков, возомнивших себя равными нам.

Виктория попыталась высвободиться, но его хватка стала крепче, хотя в ней всё еще чувствовалась нежность. Она видела, как напряжены его плечи, как глубоко засело в нем желание оградить ее от любой возможной опасности. Но она также знала, что за этой заботой скрывается страх потери —

тот самый страх, который делал его уязвимым и одновременно таким человечным.

— Ты не понимаешь, что они чувствуют, — тихо, но твердо произнесла Виктория, глядя прямо в его темные глаза. — Если ты не дашь им надежды, они уничтожат всё, что мы построили. Позволь мне пойти.

Мальбонте молчал, и его молчание казалось тяжелее самого мрака. В зале воцарилась такая тишина, что стало слышно дыхание стоящих вокруг правителей. Он медленно отпустил ее лицо, но не отошел, продолжая заслонять собой всё пространство вокруг нее, словно живая стена.

— Ты готова к тому, что увидишь? — наконец спросил он, и в его голосе прозвучала непривычная горечь. — Там нет блеска залов и шелковых тканей. Только грязь, ненависть и кровь тех, кто посмел восстать.

— Я готова увидеть всё, — ответила она, прижимаясь к нему всем телом. — Потому что я люблю тебя и нашу семью больше, чем собственный комфорт.

Мальбонте закрыл глаза, глубоко вдохнул и медленно кивнул. Его пальцы сжали ее ладонь так сильно, что она почувствовала легкую боль, но не шевельнулась. Он не хотел ее отпускать; она была его единственным якорем в этом бесконечном потоке хаоса и борьбы, и мысль о том, что она окажется в эпицентре бунта, вызывала у него глухое рычание внутри.

— Хорошо, — выдавил он сквозь зубы. — Но ты будешь

под моей личной охраной каждую секунду. Если я почувствую хоть малейшую угрозу для тебя — мы немедленно вернемся назад, и никакие твои доводы меня не переубедят.

Виктория облегченно выдохнула и прижалась к его груди, чувствуя, как напряжение в его теле постепенно сменяется привычным спокойствием. Она знала: теперь решение принято окончательно. И теперь ей предстояло доказать мужу — и всему Раю — что милосердие может быть таким же эффективным оружием, как и меч.

Глава 3

Виктория тяжело вздохнула, стараясь сдержать улыбку, пока Ариэла вцепилась в её платье, а Каин требовательно тянул за руку. Она осторожно высвободилась, приседая перед ними на корточки. Её голос звучал мягко и успокаивающе, когда она запечатлела по короткому поцелую на лбу каждого из детей, шепотом повторяя, что скоро вернётся.

— Слушайте папу, хорошо? — Она подняла взгляд на мужа, в котором читалась и лёгкая тревога, и бесконечная любовь.

Мальбонте шагнул вперед, его массивная фигура на мгновение заслонила солнечный свет, льющийся в комнату. Он обнял жену, притягивая к себе и вдыхая знакомый аромат её волос. Его руки сжали её плечи крепко, но бережно, а голос, обычно мрачный и резкий для окружающих, сейчас звучал почти интимно.

— Я буду рядом, — прошептал он ей в самое ухо, обжигая дыханием кожу. — Мой отряд будет сопровождать тебя по следу. Если почувствуешь хоть малейшую опасность или просто захочешь вернуться — только подай знак. Я прилечу быстрее, чем ты успеешь испугаться.

Виктория прижалась к нему, чувствуя его силу и негласное обещание защиты. В этом жесте была вся его преданность: он не пытался запретить ей лететь, не пытался огра-

ничить её свободу, но делал всё, чтобы она знала — она никогда не будет одна.

— Я справлюсь, — тихо ответила она, отстраняясь и забирая свои вещи.

Мальбонте проводил её взглядом до самого порога, его глаза потемнели от невысказанного беспокойства. Лишь когда дверь за ней закрылась и послышался шум поднимающегося в небо корабля, он переключил внимание на детей, которые уже начали шумно спорить между собой. В его взгляде всё ещё читалась тень тревоги; он знал, что теперь его единственной задачей станет ждать её возвращения.

Виктория сидела в каюте, глядя в иллюминатор на бесконечное море облаков. Корабль мерно вибрировал, разрезая воздух и неуклонно сокращая расстояние до островов. Время тянулось медленно, превращаясь в вязкий кисель из тревожных мыслей и предвкушения. Она то и дело поправляла складки одежды, стараясь занять руки чем-то, кроме беспокойного перебирания пальцев.

Командир корабля возник в дверях каюты, его лицо было сосредоточенным и беспристрастным. Он коротко кивнул ей, обозначая уважение, но в его голосе слышалась привычная сухость.

— Мы почти на месте, госпожа. Подготовьтесь к высадке.

Виктория поднялась, чувствуя, как сердце забилось быстрее. Она вспомнила обнимающего её Мальбонте, его низкий голос и обещание защиты. Сейчас он был далеко, за сотни

милль отсюда, но она всё ещё ощущала его невидимое присутствие, словно тень, которая будет следовать за ней до самого конца.

Выйдя из каюты, она направилась к стартовой площадке, стараясь идти уверенно. Солдаты из отряда мужа, распределенные по кораблю, приветственно кивали ей; их взгляды были серьезны, но в них читалась та же преданность, что и в глазах Мальбонте. Они были его руками и глазами здесь, её личной охраной в этом чужом и опасном краю.

Когда люк открылся и в лицо ударил влажный ветер, Виктория глубоко вдохнула, прикрыв глаза. Острова уже виднелись впереди — зелёные вершины, утопающие в белом дыме водопадов и густых лесах. Там, внизу, её ждали ответы, которые могли изменить всё.

Корабль начал снижение, плавно закладывая вираж к одной из прибрежных равнин. Виктория вышла на край площадки, вглядываясь в изумрудную зелень, когда тишину внезапно разорвал резкий, оглушительный грохот. Залповый огонь с земли заставил корпус судна содрогнуться; один из двигателей вспыхнул, и корабль резко закренился, бросая людей на стены и переборки.

Повсюду слышались крики и грохот металла. Виктория едва успела ухватиться за поручень, когда очередной залп пробил обшивку рядом с ней. Командир корабля пытался что-то прокричать, но его голос заглушил новый взрыв, который окончательно лишил судно равновесия. Послышал-

ся скрежет разрываемого металла, и корабль, теряя высоту, рухнул вниз, сминая всё на своем пути.

Когда дым и пыль осели, Виктория открыла глаза. Она лежала среди обломков, чувствуя едкий запах гари и слыша лишь звенящую тишину. Вокруг неё застыли несколько тел солдат и членов экипажа — неподвижные, с остекленевшими взглядами. Ни единого живого звука; только ветер лениво перебирал обрывки ткани и листы бумаги, разбросанные по песку.

Она медленно поднялась, ощущая, как внутри неё пробуждается сила. В груди вспыхнул свет — чистый, ослепительно белый, он хлынул из её ладоней, разгоняя густой дым и окутывая обломки корабля сияющим ореолом. Свет управляемый её вперед, освещая путь через завалы к темной линии леса, где в зарослях мелькали тени вооруженных людей.

Виктория вышла на открытое пространство, подняв руки вверх. Свет вокруг неё стал плотным, создавая вокруг её фигуры сияющий щит, который заставил нападавших замереть и опустить оружие. Она смотрела прямо на них — не с гневом, а с глубокой скорбью и решимостью.

— Остановитесь! — Её голос, обычно нежный и тихий, теперь звучал чисто и властно, перекрывая шум джунглей. — Я не хочу больше крови. Давайте обсудим мирное соглашение, пока ещё есть с кем говорить.

Среди замерших фигур мелькнуло движение. Один из демонов, с изуродованным шрамами лицом, выступил вперед,

сжимая в руках тяжелый клинок. Его глаза горели ненавистью и недоверием, а губы искривились в презрительной усмешке.

— Ты лжешь! — взревел он, замахиваясь оружием. — Ваше «соглашение» — лишь способ затянуть время, чтобы ваши корабли успели высадить здесь всю армию! Вы приходите сюда, чтобы забрать наши земли, а теперь играете в милосердие?

Демон сделал резкий шаг вперед, оружие было направлено прямо в неё, но она даже не вздрогнула. Она продолжала стоять спокойно, её свет не угас, а лишь стал мягче, обволакивая всех вокруг теплым сиянием.

— Я здесь не для того, чтобы забирать, — тихо, но отчетливо произнесла она, глядя прямо в глаза разъяренному демону. — Я пришла предложить помощь. Вашим раненым, вашим детям. Если вы продолжите сражаться, терять будут и те, и другие.

Все переглянулись. Напряжение в воздухе стало почти осязаемым; казалось, одно лишнее движение — и лес вновь взорвется криками и звоном стали. Один из ангелов, стоявший чуть поодаль с окровавленным крылом, попытался подняться, опираясь на обломок фюзеляжа. Его взгляд встретился со взглядом Виктории — в нём читалась немая просьба и робкая надежда.

— Мы поможем всем, кому это нужно, — повторила она, делая шаг навстречу демону. — Независимо от того, кто вы

и с какой стороны оказались в этой войне.

Демон замер, его рука с мечом дрогнула. Впервые за всё время он увидел перед собой не врага или захватчика, а кого-то, чья доброта была настолько искренней, что становилась пугающей. Он медленно опустил оружие, и по рядам его воинов прокатилась волна нерешительного шепота.

— Хорошо, — хрипло произнёс демон, его голос дрожал от напряжения. — Мы согласны. Мы хотим жить там, где нам хочется, без страха, что завтра небо снова затянет дымом от залпов.

Виктория почувствовала, как напряжение, сжимавшее её сердце, начало отступать. Она сделала ещё один шаг вперёд, её свет стал мягким и обволакивающим, словно тёплый кокон.

— Тогда пообещайте мне, — она взглянула на каждого из них, от израненных ангелов до хмурых демонов. — Пообещайте, что больше не будете жаждать войны. Будьте милосердны друг к другу и к тем, кто слабее. Без этой клятвы любой договор будет лишь временным перемирием.

Демоны переглянулись. Лидер с изуродованным лицом долго молчал, всматриваясь в её лицо, искал в нём след хитрости или обмана, но нашёл лишь бесконечную, почти святую печаль. Он медленно кивнул, признавая условия.

— Мы согласны, — тихо ответил он. — Клянемся именем наших предков.

Услышав это, ангелы облегчённо выдохнули; кто-то из

них даже опустился на колени, закрыв глаза в молитве или изнурении. Демоны же, следуя примеру своего вожака, синхронно склонили головы и приклонили колена перед женщиной, которая одним своим присутствием сумела остановить кровопролитие. В этом жесте не было страха — только глубокое уважение к королеве, которая оказалась сильнее всей их армии вместе взятой.

Мальбонте застыл, глядя на экран монитора, где красная точка, обозначавшая корабль с Викторией, внезапно исчезла. В комнате повисла тяжелая, удушающая тишина, прерываемая лишь ритмичным писком приборов. Он не шевелился, не дышал, боясь даже моргнуть, пока в ушах нарастало оглушительное гудение.

— Она... — голос сорвался, переходя в хриплый шепот.

Мир вокруг него рассыпался. В одно мгновение он осознал, что не успел, что его защиты оказалось недостаточно, что он оставил её одну там, внизу. Ноги стали ватными, и он с глухим стуком рухнул на колени, сжимая кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Тьма, которую он так долго сдерживал, хлынула наружу, затапливая всё вокруг холодным, безнадежным отчаянием.

— Папа? Что случилось? Почему ты плачешь?

Каин и Ариэла подбежали к нему, испуганно глядя снизу вверх. Дети никогда не видели его таким — раздавленным и беспомощным. Каин робко коснулся его колена, пытаясь привлечь внимание, но Мальбонте не слышал их голо-

сов. Перед глазами стоял последний образ жены: её нежный взгляд, обещание вернуться и светлая улыбка.

Слезы, которые он никогда не позволял себе при посторонних, теперь катились по щекам, обжигая кожу. Он закрыл лицо руками, сжимаясь в комок от осознания того, что теперь он остался один в этом мире, и единственное существо, которое могло умиротворить его внутреннюю бурю, больше никогда не вернется домой.

Виктория расправила крылья, ощущая, как воздух наполняет каждое перо. Боль от удара постепенно затихала, сменяясь странной, почти блаженной легкостью. Она взмыла вверх, оставляя позади обломки корабля и затихающие споры между выжившими. С высоты острова казались изумрудными каплями, разбросанными в бескрайнем океане, а дым от пожаров сливался с облаками, окрашивая небо в тревожный багрянец.

Её сердце билось ровно — она знала, что дома её ждут. Мысль о Мальбонте, о его хмуром взгляде и тайной нежности, согревала её сильнее, чем солнце над головой. Она представляла, как он встретит её на пороге, как обхватит своими сильными руками, прижимая к себе так крепко, словно боялся потерять навсегда. В этом ожидании была вся её жизнь, вся её истинная суть.

Виктория сменила направление, закладывая крутой вираж в сторону их поместья. Ветер свистел в ушах, волосы рассыпались по плечам, а мысли путались от предвкушения.

Она уже видела вдали знакомые очертания крыши и старые дубы, охраняющие покой её семьи.

С каждым взмахом крыльев напряжение уходило, оставляя лишь чистую радость. Ей хотелось скорее обнять детей, услышать их смех и почувствовать запах домашнего уюта — того самого мира, который она так отчаянно защищала внизу.

Сложив крылья, она начала стремительное падение вниз, прямо в объятия родного дома. Земля стремительно приближалась, и Виктория зажмурилась от счастья, зная: теперь всё будет хорошо.

Когда она приземлилась на крыльцо, тяжелая входная дверь с грохотом распахнулась. На пороге стояли дети; их лица были бледными, глаза опухшими от слез, а одежда в беспорядке. Завидев мать, Ариэла сдавленно вскрикнула и, забыв обо всем, бросилась к ней, сбивая с ног. Каин последовал за сестрой, вцепившись в её подол с такой силой, будто боялся, что она снова растворится в небе.

— Мама! Ты вернулась! — всхлипывала девочка, зарываясь лицом в её шею. — Мы думали, ты улетела навсегда!

Виктория присела, обнимая обоих детей, и почувствовала, как её сердце разрывается от их отчаяния. Она гладила их по головам, шепча слова утешения, пока из глубины коридора слышались тяжелые, неровные шаги.

Мальбонте появился в дверном проеме, и Виктория замерла, увидев его. Он выглядел так, словно постарел на де-

сять лет за эти несколько часов: щетина покрывала лицо, глаза были красными и пустыми, а одежда измята и испачкана. Он стоял неподвижно, не в силах даже произнести её имя, глядя на жену с таким выражением ужаса и облегчения, какое бывает только у тех, кто вернулся из самого ада.

— Мама сказала, что папа плакал! — выкрикнул Каин, с надеждой глядя на отца. — Он весь день сидел в темноте и не выходил!

Мальбонте сделал шаг вперед, его руки дрожали. Он резко обхватил Викторию вместе с детьми, притягивая их к себе в одно общее, надрывное объятие. Его горячие слезы упали ей на плечо, и она почувствовала, как его тело сотрясает крупная дрожь. В этот момент он был не грозным воином или лидером, а лишь человеком, который едва не потерял свой единственный смысл существования.

— Я думал... я думал, что потерял тебя, — глухо проговорил он в её волосы, сжимая её всё сильнее. — Никогда больше не оставляй меня так. Слышишь? Никогда.

Виктория закрыла глаза, отдаваясь его боли и любви одновременно. Она знала, что теперь им понадобится много времени, чтобы залечить эти раны, но сейчас ей было достаточно просто чувствовать его сердце, бьющееся о её собственное — быстрое, рваное и бесконечно преданное.

Глава 4

Мальбонте замер, когда Виктория опустилась к нему на колени, обхватив его за шею. Его пальцы, сжимавшие рукоять меча, расслабились, и он тяжело выдохнул, позволяя себе не прижаться к себе. В тронном зале воцарилась тишина, нарушаемая лишь далеким эхом шагов стражи в коридорах. Он закрыл глаза, вдыхая знакомый аромат её волос, который всегда действовал на него умиротворяюще, даже в самые мрачные дни.

— Дети уложены? — негромко спросил он, и в его голосе, обычно резком и властном, теперь слышались мягкие нотки.

Виктория кивнула ему в плечо и прильнула ближе, чувствуя тепло его тела сквозь плотную ткань одежды. Она начала рассказывать о событиях на отдаленных островах, о том, как удалось погасить назревающий конфликт с горожанами. Мальбонте слушал её внимательно, не перебивая, лишь изредка сжимая её чуть крепче, словно боялся, что в любой момент она может исчезнуть.

Когда она закончила, он отстранился ровно настолько, чтобы заглянуть ей в лицо. В его темных глазах отразилось нечто большее, чем просто одобрение её успехов — там читалась бесконечная преданность и тоска, которую он позволял видеть только ей одной.

— Ты слишком добра к ним, Виктория, — прошептал он,

касаясь пальцами её щеки. — Но именно это спасает нас всех.

Он притянул её к себе для глубокого, требовательного поцелуя, заставляя забыть о делах королевства и бесконечных тревогах. В этот миг тронный зал перестал существовать для него; осталась только она — его свет в бесконечной тени.

Виктория ответила на поцелуй с той же жадностью, запустив пальцы в его густые волосы и притягивая к себе. Она чувствовала, как напряжение, копившееся в его плечах весь день, постепенно уходит, сменяясь тяжелым, обволакивающим спокойствием. Мальбонте был единственным человеком, с которым она могла быть по-настоящему слабой, зная, что он никогда не воспользуется этим против неё.

Он разорвал поцелуй, но не отстранился, уткнувшись лбом в её лоб. Его дыхание было горячим и неровным. В полумраке зала его силуэт казался огромным и подавляющим, но для Виктории эта мощь была единственной надежной защитой в мире, который пытался разорвать их семью на части.

— Пойдем в спальню, — хрипло произнес он, поднимаясь на ноги и увлекая её за собой.

Они шли по длинным коридорам замка, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить детей. Мальбонте крепко держал её за руку, и Виктория чувствовала, как его пальцы собственнически сжимают её ладонь. В этом жесте была вся его суть: желание удержать, защитить и присвоить себе всё то светлое,

что ещё осталось в его жизни.

Когда двери спальни закрылись за ними, он прижал её к стене, погружая в глубокий поцелуй, который больше не оставлял места для слов. Его руки уверенно скользнули вниз, сминая ткань её платья, в то время как Виктория тихо выдохнула в его губы, полностью отдаваясь во власть этого мгновения. Здесь, в тишине их комнаты, он больше не был грозным правителем — он был просто её мужем.

Сон пришел к ним быстро, тяжелый и глубокий, дарующий редкое забвение. Виктория свернулась калачиком, прижавшись к Мальбонте, и даже во сне чувствовала его сильную руку, собственнически обнимавшую её за талию. В комнате царил полумрак, разбавляемый лишь слабым сиянием луны, пробивающимся сквозь тяжелые бархатные шторы.

Мальбонте проснулся первым. В комнате было ещё темно, а воздух оставался прохладным и тихим. Он осторожно высвободил руку, стараясь не потревожить жену, и сел на краю кровати, вслушиваясь в молчание замка. Сегодня был особенный день — день рождения Виктории. Его свет, его единственная привязанность в этом жестоком мире.

Встав с кровати, он быстро оделся и, не зажигая свечей, направился к выходу из спальни. Его шаги были бесшумными; многолетняя привычка скрываться в тених помогала даже здесь, в собственном доме. Проходя мимо детских комнат, он на мгновение замер у двери Ариэлы и Каина, прислушиваясь к их ровному дыханию. Убедившись, что дети спят,

он ускорил шаг в сторону тронного зала.

Едва он переступил порог главного зала, из теней начали появляться слуги и стража. Они склонились в глубоком поклоне, стараясь не поднимать глаз на своего господина, который в такие ранние часы обычно был особенно мрачен и нетерпим. Мальбонте остановился в центре зала, обведя присутствующих ледяным взглядом, от которого по спинам людей пробежал холод.

— Сегодня день рождения королевы, — произнес он глухим, властным голосом, который эхом разнесся под сводами зала. — Я хочу, чтобы к моменту её пробуждения этот зал преобразился. Соберите лучшие цветы из королевского сада, украсьте стены шелком и приведите в порядок каждое зеркало. Чтобы всё было безупречно.

Слуги засуетились, обмениваясь быстрыми взглядами и спешно отдавая приказы подчиненным. Мальбонте не стал следить за их работой — он знал, что под его надзором всё будет выполнено в точности так, как он пожелает. Оставив зал на попечение старшего дворецкого, он направился к выходу, чувствуя странное волнение. Для него это был не просто праздник; это был редкий шанс показать Виктории, насколько она дорога ему, используя всю мощь его империи.

Мальбонте вернулся в спальню, когда первые лучи солнца коснулись тяжелых штор. Он подошел к зеркалу, расправляя складки своего самого красивого костюма — темного, расшитого серебром, который подчеркивал его статную фигуру

и строгое выражение лица. Тщательно поправив воротник и сменив обувь, он в последний раз взглянул на свое отражение, убеждаясь, что ни одна деталь не выбивается из общего образа. Сегодня он должен был быть безупречен, ведь его жена заслуживала только лучшего.

Выйдя из комнаты, он направился к детским спальням. Распахнув дверь, Мальбонте замер на пороге, глядя на спящих детей. Ариэла и Каин мирно посапывали, свернувшись в своих постелях. Он подошел к ним, мягко коснувшись плеча сына, а затем и дочери.

— Вставайте, — тихо произнес он, и в его голосе не было привычной суровости. — Пора будить маму.

Дети сонно зашевелились, протирая глаза и неохотно поднимаясь с кроватей. Мальбонте с легкой улыбкой наблюдал за тем, как они переглядываются, еще не до конца осознавая важность момента.

— Поведите её в тронный зал, — распорядился он, отходя в сторону и открывая дорогу. — Сделайте это тихо, чтобы она не заподозрила ничего необычного до самого конца.

С этими словами он исчез в коридоре, направляясь обратно к залу. В сердце вспыхнуло предвкушение: скоро Виктория увидит всё то, что он подготовил для неё, и эта улыбка на её лице станет для него главной наградой за все труды.

Виктория, всё еще пребывая в полусонном оцепенении, позволила детям увлечь её за собой. Она была в простой ночной сорочке, с распущенными волосами, и даже не пыта-

лась сопротивляться их заговорщическому шепоту и нетерпению. Когда двери тронного зала распахнулись, она замерла, не в силах сделать и шага.

Зал, который обычно казался ей холодным и подавляющим, преобразился до неузнаваемости. Повсюду цвели редкие белые лилии и розы, наполняя воздух густым, пьянящим ароматом. Стены были увешаны тяжелым шелком, а на серебряных подносах сверкали изысканные угощения. Но больше всего её поразил стол, на котором в центре покоилось украшение, которое она видела лишь однажды в старинных книгах — ожерелье из черного жемчуга с изумрудом размером с голубиное яйцо.

— Мальбонте... — тихо позвала она, обводя взглядом всё вокруг.

Он вышел из тени колонны, медленно приближаясь к ней. Его лицо было серьезным, но в глазах читалась та самая редкая теплота, которую он хранил только для своей семьи. В руках он держал бокал вина, который протянул ей, глядя прямо в глаза.

— С днем рождения, любовь всей моей жизни, — произнес он, и его голос звучал непривычно мягко. — Всё это — лишь малая часть того, что ты заслуживаешь.

Виктория приняла бокал, её пальцы слегка дрожали. Она посмотрела на детей, которые с любопытством рассматривали украшения, а затем снова перевела взгляд на мужа. В этот момент она почувствовала всю глубину его преданности —

ту мрачную и мощную любовь, которая не нуждалась в словах, но заявляла о себе каждым жестом, каждым предметом в этом зале.

— Ты никогда не умел делать ничего наполовину, — улыбнулась она, чувствуя, как в груди разливается тепло. — Но мне не нужны все эти подарки. Мне достаточно знать, что ты здесь.

Мальбонте взял её за руку и притянул к себе, заключая в крепкие объятия. Он вдохнул аромат её волос и на мгновение закрыл глаза, словно стараясь запомнить это мгновение навечно. В этом огромном пустом зале они были одни против всего мира, и сейчас это было единственным, что имело значение.

Глава 5

Виктория застегнула тонкую молнию на спине, с трудом дотянувшись до верхнего края. Ткань облегла тело, подчеркивая каждый изгиб, а глубокий черный цвет делал кожу почти прозрачной в приглушенном свете спальни. Она взглянула в зеркало, поправляя выбившийся локон, и замерла, прислушиваясь к гулу, доносившемуся из коридоров.

Смех гостей и отдаленные звуки оркестра смешивались в единый шум, который проникал даже сквозь тяжелые дубовые двери. Сегодня весь замок жил лишь этим днем — ее днем. Виктория глубоко вздохнула, стараясь унять дрожь в пальцах; ответственность и внимание столь многих людей всегда заставляли ее сердце биться быстрее.

В этот момент дверь спальни тихо приоткрылась. Мальбонте стоял в проеме, не спеша входить, и смотрел на жену пристальным, темным взглядом. В его лице читалось странное сочетание обожания и негласного протеста против того, что сегодня ее увидит кто-то еще, кроме него.

— Ты выглядишь безупречно, — негромко произнес он, наконец переступив порог и закрыв за собой дверь.

Он подошел ближе, и Виктория почувствовала знакомый холодный аромат его парфюма. Мальбонте положил руки ей на талию, притягивая к себе так резко, что она едва успела выдохнуть. Его ладони жадно сжали ткань платья, словно он

пытался ощутить тепло ее кожи сквозь черный шелк.

— Гости ждут тебя, — прошептала она, хотя сама не хотела уходить. — Нас приглашают в тронный зал.

— Пусть подождут еще немного, — Мальбонте склонился к ее уху, обжигая кожу горячим дыханием. — Сегодня ты принадлежишь всем, но сейчас — только мне.

Мальбонте мягко поцеловал ее, накрывая губы своими в долгом, требовательном, но в то же время бесконечно нежном поцелуе. Виктория почувствовала, как его пальцы скользнули выше, по спине, заставляя ее невольно выгнуться навстречу. В этом жесте была вся его суть: скрытая жадность, смешанная с глубокой, почти болезненной преданностью, которую он никогда не выставлял напоказ перед другими.

Она улыбнулась, когда он неохотно отстранился, и положила ладони ему на грудь, чувствуя под пальцами ровный и спокойный ритм его сердца. Ее взгляд встретился с его мрачными глазами, в которых сейчас плескалось редкое тепло.

— Нам действительно нужно идти, — сказала она тихо, но твердо, слегка оттолкнув его от себя. — Ты же знаешь, как это устроено. Если мы задержимся, начнутся пересуды.

Мальбонте хмуро скрестил руки на груди, глядя на нее с явным неодобрением. Его голос прозвучал грубовато, с привычными оттенками раздражения:

— Пусть говорят что хотят. Все эти люди — всего лишь шум на заднем плане.

Виктория рассмеялась, потянувшись к его лицу и ласково коснувшись щеки кончиками пальцев. Она знала, как усмирить его гнев и как превратить его холодную отстраненность в смирение.

— Идем, мой мрачный король, — прошептала она, увлекая его к двери. — Пообещай мне, что вечером мы останемся только вдвоем.

Мальбонте молча кивнул, следуя за ней в коридор. Он шел тенью, за ее плечом, готовый в любой момент стать щитом между своей женой и всем миром, который ждал их за дверями спальни.

Когда они переступили порог тронного зала, гул голосов на мгновение стих. Виктория почувствовала на себе сотни взглядов, но, сжимая ладонь Мальбонте, шла вперед с высоко поднятой головой. Муж шел рядом, его лицо вновь стало непроницаемой маской, а в глазах вспыхнул привычный холодный блеск, отрезвляющий любого, кто посмел бы задержать на ней взгляд слишком долго.

В толпе гостей тут же возникло оживление. От группы людей в стороне отделилась высокая статная фигура — Люцифер, одетый с неизменным изяществом, с легкой улыбкой направился им навстречу. Рядом с ним, почти невесомо ступая по мраморному полу, шла Мими, чьи глаза сияли искренней радостью.

— О, Виктория! — воскликнула Мими, ускоряя шаг и почти бегом преодолевая расстояние между ними. Она с раз-

маху обняла подругу, прижавшись к ней всем телом и засыпав восторженными словами. — Ты выглядишь просто ослепительно! Какое платье!

Виктория смущенно улыбнулась, отвечая на объятия с такой же теплотой. Люцифер подошел чуть позже, иронично приподняв бровь при виде хмурого выражения лица Мальбонте. Он вежливо склонил голову перед Викторией и протянул ей руку для формального, но дружеского приветствия.

— Поздравляю тебя с этим днем, дорогая. Ты сияешь так, что даже этот сумрачный замок кажется светлее, — заметил Люцифер, взглянув на Мальбонте с дружеским пониманием.

Мальбонте лишь коротко кивнул в ответ, не разжимая пальцев, которыми сжимал руку жены. Он чувствовал раздражение от этого шумного внимания, но ради Виктории был готов терпеть все.

— Спасибо вам обоим за то, что пришли, — тихо произнесла Виктория, стараясь разгладить складки на платье. — Для меня это очень много значит.

Мими отстранилась, продолжая с восхищением рассматривать детали наряда подруги, а Люцифер встал рядом с ними, вливаясь в общую беседу и постепенно уводя внимание гостей от пары в сторону праздничного стола.

Шумный гул голосов постепенно утих, когда Мальбонте и Виктория заняли свои места во главе длинного стола. Посуда тихо позвякивала, слуги разносили закуски и напитки, а гости, обмениваясь сдержанными взглядами, ждали начала

торжества. Виктория чувствовала на себе десятки любопытных глаз, но присутствие мужа рядом, его твердая рука на ее плече, придавали ей уверенности.

Мальбонте медленно поднялся со своего места, привлекая к себе всеобщее внимание. В зале воцарилась тишина, и даже Люцифер замер с бокалом вина в руке. Лицо Мальбонте оставалось непроницаемым, но в его взгляде, направленном на жену, вспыхнуло что-то глубокое и личное, скрытое от всех присутствующих.

Он взял свой бокал и слегка приподнял его, глядя прямо в глаза Виктории. Его голос, обычно резкий и холодный, сейчас зазвучал с необычайной теплотой и силой, заполняя пространство тронного зала.

— Друзья, — начал он, и эхо его слов разнеслось под сводами потолка. — Сегодня мы собрались здесь, чтобы отметить особенный день. День моей супруги.

Виктория смущенно опустила голову, чувствуя, как щеки заливают румянец, но Мальбонте не прекращал говорить, продолжая смотреть на нее с нескрываемым восхищением.

— Виктория — свет этого замка и свет моей жизни. Она — единственная, кто смог найти путь к моему сердцу и усмирить те бури, что бушевали в моей душе до ее появления. Ее доброта и чистота делают нас всех лучше, даже тех из нас, кто привык пребывать в тени.

Он сделал паузу, и в зале стало так тихо, что слышалось лишь потрескивание свечей. Мальбонте чуть заметно улыб-

нулся — редкий жест, который был предназначен только для нее одной.

— За мою жену, — закончил он, поднимая бокал выше.
— За ту, кто стала моим началом и моим спасением.

Гости с одобрением зашумели, поднимая свои кубки в ответном жесте. Виктория, переполненная эмоциями, коснулась руки мужа под столом; он тут же сжал ее пальцы в ответ, обещая без слов, что этот вечер принадлежит только им двоим.

Ночной воздух, пропитанный запахом жасмина и остывающего камня, коснулся ее кожи, заставляя вздрогнуть. Виктория обернулась к мужу, мягко улыбаясь ему; в ее глазах отражались далекие огни города, сливающиеся с мерцанием звезд. Шум пиршества остался позади, за тяжелыми дверями, превратившись в глухое, едва слышное эхо. Здесь, в тени высокой балюстрады, время казалось застывшим.

Мальбонте молчал, скрестив руки на груди и глядя вдаль. Его суровый профиль в лунном свете казался высеченным из холодного мрамора, но Виктория знала, что под этой броней скрывается нечто иное. Она осторожно подошла ближе и прислонилась к его плечу, чувствуя знакомую силу и спокойствие, которое он излучал только здесь, в их уединении.

— Ты был сегодня удивительно красноречив, — тихо произнесла она, заглядывая ему в лицо.

Его губы дернулись в едва заметной усмешке. Мальбонте развернулся к ней, и в его темных глазах вспыхнул знакомый

огонь, смешанный с той жадностью, которую он так старательно скрывал от гостей. Он перехватил ее за талию, прижимая к себе, и на мгновение его пальцы с силой впились в ткань черного платья.

— Я сказал лишь то, что истинно, — прохрипел он, склоняясь к ней.

Виктория почувствовала, как его рука скользнула ниже, властно прижимая ее бедро к себе. Она подалась вперед, отвечая на его грубоватый натиск своим нежным теплом, и закрыла глаза, вдыхая аромат его кожи. Вечерний бриз шевелил ее волосы, но сейчас единственным, что имело значение, был этот короткий миг тишины и близости между ними.

Внезапно к горлу подступила тошнота, и Виктория резко отстранилась, прижимая ладонь ко рту. Голова закружилась, а пространство вокруг поплыло, превращаясь в размытое пятно из лунного света и теней. Мальбонте тут же нагнулся, его рука переместилась ей на спину, поддерживая, чтобы она не упала.

— Что с тобой? — в его голосе прозвучала тревога, смешанная с привычной суровостью.

— Все в порядке... — выдохнула она, пытаясь сфокусировать взгляд. — Просто, кажется, я переутомилась. Столько людей, столько шума... мне нужно умыться.

Она осторожно высвободилась из его объятий и, не глядя на мужа, направилась в сторону их покоев. Шаги казались тяжелыми, будто ноги стали свинцовыми, а воздух вокруг

стал слишком густым и душным. Зайдя в ванную, Виктория первым делом заперла дверь на замок — сейчас ей хотелось только одного: остаться в тишине и одиночестве.

В ванной комнате она включила холодную воду и жадно плеснула себе в лицо, стараясь привести мысли в порядок. Отражение в зеркале выглядело бледным; губы потеряли цвет, а под глазами залегли глубокие тени. Вздохнув, Виктория потянулась за полотенцем и случайно задела рукав платья, задрав ткань вверх по предплечью.

Она замерла, глядя на свое запястье. На белой коже отчетливо проступал странный темный след, напоминающий след от ожога или сильный ушиб, хотя она совершенно не помнила ничего подобного. След был узким, почти черным, и казалось, что он пульсирует в такт ее собственному сердцу.

Виктория коснулась пятна пальцами — кожа была холодной и абсолютно гладкой. Тревога сжала грудь: она пыталась вспомнить события последних часов, но в памяти всплывали лишь обрывки лиц и слов. «Наверное, простое переутомление», — подумала она, стараясь убедить саму себя. «Отголоски стресса или старая травма» — но глубоко внутри она почувствовала липкий страх, который невозможно было заглушить логикой.

Послышался резкий, требовательный стук в дверь. Виктория вздрогнула, едва не выронив полотенце, и замерла, вслушиваясь в знакомый голос с той стороны.

— Виктория, открой, — голос Мальбонте звучал глухо,

в нем отчетливо слышалось беспокойство. — Почему ты заперлась?

Она с трудом сглотнула, стараясь унять дрожь в руках. Быстрое движение пальцами — и замок щелкнул. Дверь распахнулась, и в ванную вошел Мальбонте, мгновенно заполнив собой все пространство. Его взгляд, острый и пронизывающий, тут же зафиксировался на бледном лице жены, а затем скользнул вниз, к ее обнаженному предплечью.

— Все хорошо? — он подошел вплотную, перехватив ее за руку и поднимая запястье выше, чтобы лучше рассмотреть странное пятно. — Ты выглядишь так, будто увидела призрака.

— Все хорошо, — быстро ответила Виктория, пытаясь высвободить руку, но он держал крепко, почти болезненно. — Просто... мне нужно немного времени. Я в порядке, Мальбонте, правда.

Мужчина нахмурился, его пальцы коснулись темного следа на ее коже. Он молчал, всматриваясь в отметину с таким выражением лица, будто пытался разгадать сложный шифр. В его глазах вспыхнул холодный огонь тревоги, смешанный с чем-то мрачным и глубоким.

— Ты уверена? — тихо спросил он, глядя ей прямо в глаза.

— Да, — Виктория кивнула, стараясь говорить твердо и спокойно. — Это просто усталость.

Мальбонте молча отпустил ее руку, но не сдвинулся с ме-

ста. Его тяжелый, пронизательный взгляд заставлял Викторию чувствовать себя незащищенной, словно он видел ее насквозь, до самых потаенных страхов. Наконец он коротко кивнул, отступил к двери и погасил свет, оставляя комнату в полумраке.

Когда они легли в постель, Виктория долго не могла уснуть. Она лежала неподвижно, слушая мерное дыхание мужа, который быстро погрузился в сон, обнимая ее сзади и прижимая к себе, словно оберегая. Тишина спальни казалась ей теперь гнетущей, а темнота — живой и дышащей. Она пыталась закрыть глаза, но стоило ей провалиться в забытие, как реальность сменялась чем-то иным.

Ей снилось бесконечное серое поле, покрытое пеплом. Виктория шла по нему одна, чувствуя, как ледяной ветер пробирает до костей. Внезапно земля под ногами начала трескаться, и из разломов хлынула густая черная жидкость, похожая на нефть или застывшую кровь. Она попыталась побежать, но ноги стали непослушными, а пространство вокруг начало сжиматься, превращаясь в тесную клетку.

В этом сне не было звуков, только оглушительный шум в ушах и нарастающее чувство беспомощности. Из серой мглы выступила высокая фигура — безликая тень, которая медленно приближалась к ней, протягивая костлявые руки. Виктория хотела закричать, позвать на помощь, но голос пропал, а легкие заполнились холодным пепельным дымом. Тень коснулась ее запястья — там, где остался странный след

— и в этот миг резкая боль пронзила все ее тело.

Виктория распахнула глаза и резко села в постели, тяжело дыша. Сердце колотилось о ребра с силой молота, а по коже бежали капли холодного пота. Рядом зашевелился Мальбонте; он мгновенно проснулся, его рука легла ей на плечо, сжимая осторожно, но уверенно.

— Что такое? С тобой точно все в порядке? — тихо спросил он, всматриваясь в ее бледное лицо.

Она лишь кивнула, не в силах выдать ни слова. Сон оставил после себя горький привкус металла во рту и неясное, глубокое предчувствие того, что грядет нечто неизбежное и страшное.

Глава 6

Мальбонте открыл глаза и тут же почувствовал кожей пустоту. Постель рядом с ним была холодной, простыни идеально разглажены, будто Виктории здесь и вовсе не было. Он сел, вслушиваясь в утреннюю тишину дома; даже привычный шум из детской, где обычно возились Ариэла и Каин, сегодня отсутствовал.

Хмурясь, он поднялся с кровати и вышел в коридор. В голове всплыли обрывки вчерашнего разговора, их недосказанность и тяжелое молчание перед сном. Мысль о том, что она могла уйти, заставила его сердце сжаться от глухого, иррационального страха.

В гостиной было пусто. На кухонном столе лежала забытая чашка с остатками остывшего чая, а дверь на задний двор была приоткрыта, впуская внутрь сырой утренний воздух. Мальбонте замер, втягивая ноздрями запах — едва уловимый аромат её духов смешивался с запахом свежескошенной травы и росы.

Он вышел на крыльцо, всматриваясь в серый туман, окутавший сад. Фигура Виктории мелькнула в конце аллеи; она стояла спиной к дому, обхватив себя руками за плечи, и смотрела куда-то вдаль. Её хрупкий силуэт казался почти прозрачным в предрассветном свете, и эта картина отозвалась в нем острой болью.

— Любовь моя? — позвал он низким голосом.

Она вздрогнула и медленно обернулась. Глаза её были красными от слез, а лицо — бледным и изможденным. Мальбонте сделал шаг навстречу, чувствуя, как внутри поднимается привычная смесь ярости и бесконечной нежности к этой женщине.

— Почему ты не разбудила меня? — он подошел ближе, стараясь говорить спокойно, хотя голос всё равно звучал хрипло и грубо. — Куда ты собралась в такое время?

Виктория ничего не ответила. Она лишь покачала головой, глядя на него с таким выражением, будто пыталась вспомнить слова или найти в себе силы произнести их. В этот момент он понял, что между ними выросла стена — невидимая, но непреодолимая.

— Уходи, — прошептала она, и голос её надломился.

Виктория сделала шаг назад, но тут же пошатнулась. Мальбонте рванулся к ней, чтобы подхватить, но не успел. Земля под её ногами внезапно пошла трещинами, с грохотом проваливаясь вниз, словно невидимая сила вырвала из-под неё опору. Виктория вскрикнула, её пальцы впились в воздух, пытаясь ухватиться за что угодно, но почва продолжала уходить, затягивая её в разверзшийся провал.

— Виктория! — его крик разорвал утреннюю тишину.

Он бросился вперед, падая на колени у самого края обвала. Прямо перед его глазами тело жены исчезло в темноте разлома. Мальбонте застыл, чувствуя, как внутри него всё

выгорает от ужаса. Он видел её руку, которая на мгновение мелькнула в глубине, прежде чем окончательно скрыться из виду.

— Нет! — он с силой ударил кулаком по земле, и земля отозвалась глухим эхом.

Вместе с почвой вниз посыпались обломки камней и корни деревьев. Мальбонте вглядывался в черную пустоту, его дыхание стало прерывистым, а пальцы судорожно сжимались, превращаясь в когти. В этот момент он ненавидел всё вокруг: этот дом, этот сад и саму судьбу, которая посмела забрать у него единственный источник света.

— Выходи! Виктория, ответь мне! — голос его перешел на рык, полный отчаяния и ярости.

Он был готов разрывать землю руками, вырывать пласты дерна и камня, лишь бы достать её. В его взгляде застыла ледяная решимость; если мир решил забрать её, он уничтожит этот мир до основания.

Мальбонте резко распахнул глаза, тяжело дыша. Сердце колотилось о ребра, отдаваясь гулким эхом в ушах. Он стремительно сел на кровати, сжимая кулаки и всматриваясь в полумрак спальни, всё ещё ощущая кончиками пальцев холодную сырость земли и бессилие, разрывавшее грудь.

Рядом послышалось мягкое, размеренное дыхание. Он повернул голову и увидел Викторию. Она спала, свернувшись калачиком и уткнувшись лицом в подушку; её плечи мерно поднимались и опускались, а несколько прядей волос

рассыпались по лицу, закрывая глаза.

Она была здесь. Живая.

Мальбонте медленно выдохнул, чувствуя, как ледяной ком в горле начинает таять. Страх, только что парализовавший его, сменился глухим облегчением, которое отозвалось физической тяжестью во всем теле. Он всё еще слышал в ушах звук обвала и собственный отчаянный крик, но теперь это казалось лишь далеким эхом из другой жизни.

Он осторожно протянул руку и коснулся её плеча, стараясь не разбудить. Виктория неосознанно прижалась к нему, ища тепла, и тихонько что-то пробормотала во сне. Мальбонте замер, боясь пошевелиться; он жадно впитывал ощущение её близости, запах кожи и мягкость волос, словно пытался убедиться, что эта реальность — настоящая.

Лежа в тишине, он смотрел на спящую жену и ощущал, как внутри него снова поднимается та самая тень — темная, собственническая и бесконечно преданная. Сон напомнил ему о том, насколько хрупким может быть их мир и как легко он может рухнуть.

Сон был лишь предостережением или отражением его собственных страхов. Но теперь он знал точно: он не допустит, чтобы это стало правдой. Что бы ни случилось, он превратит всё вокруг в пепел прежде, чем позволит ей исчезнуть.

Виктория проснулась от ощущения тепла, окутавшего её плечи. С трудом разомкнув веки, она обнаружила Мальбон-

те, который сидел рядом, не сводя с неё пристального, почти болезненного взгляда. Его лицо казалось более мрачным, чем обычно, а в глазах читалось странное напряжение, которое она не могла объяснить.

— Доброе утро, — тихо произнесла она, потягиваясь и чувствуя привычную легкость в теле. — Ты чего так рано встал?

Мальбонте ничего не ответил. Он лишь сжал её руку, и Виктории показалось, что его пальцы дрожат. Она нахмурилась, пытаясь понять причину его состояния, но в этот момент в голове всплыли обрывки ночного кошмара: черный разлом, уходящая из-под ног земля и его крик, перешедший в рычание.

Она резко села в постели, прижимая ладонь к губам. Мысли путались, а сердце забилось быстрее. Всё казалось таким реальным — холодный утренний туман, запах сырости и ужас потери. Виктория быстро взглянула на свои руки, проверяя, не осталось ли на них следов земли или крови, но кожа была чистой и гладкой.

— Мне приснился плохой сон, — признался он, глядя же не прямо в глаза. — Ты была там. Что-то случилось с тобой.

Он наконец отпустил ее руку и медленно поднялся с кровати. Он подошел к окну, глядя на сад, который в утреннем свете выглядел совершенно обыденно и спокойно. Его спина была напряжена, а плечи тяжело вздымались от невидимого груза, который он отказывался разделить с ней даже сейчас.

— Это был всего лишь сон, — сказала она.

Виктория встала с постели и направилась в ванную комнату. Она включила холодную воду и опустила в неё лицо, стараясь смыть остатки тревоги. Глядя в зеркало, она заметила, что её взгляд стал более сосредоточенным. На коже не было никаких пятен или следов, никаких признаков того странного происшествия из сна; она выглядела здоровой и отдохнувшей. Просто усталость и воображение.

Когда она вышла из ванной, Мальбонте всё так же стоял у окна. Виктория подошла к нему со спины и осторожно положила голову ему на лопатки. Он не шевельнулся, но она почувствовала, как его тело постепенно расслабляется под её прикосновением.

— Всё будет хорошо. — прошептала она.

Мальбонте обернулся и взял её за подбородок, заставляя посмотреть себе в лицо. В его глазах вспыхнул привычный огонь — властный и защищающий. — Пока я рядом — будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.